

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ I

Жорж Пуле
Феноменология чтения

Цель: изложить особенности феноменологии чтения сквозь призму человеческих чувств и ментальной субстанции восприятия на основе работы Жоржа Пуле «Феноменология чтения».

Основные идеи:

- Феноменология как традиция чистого понимания и восприятия.
- Жорж Пуле о феноменологии чтения через чувства.
- Чтение как возможность проникнуться и прочувствовать изнутри.
- Книга – сознание – идеи.
- Феноменология чтения и критика.

Ключевые сочетания: первоначальный феномен, феноменология чтения, временная ментальная субстанция, субъективный принцип, серия предикатов.

В данной лекции мы будем говорить о феноменологии чтения. Один из самых влиятельных философов восемнадцатого века Иммануил Кант утверждал, что ум приносит миру способность формировать и упорядочивать множество чувственных переживаний. Без такой врожденной способности к порядку, утверждал Кант, ум не будет функционировать. В начале двадцатого века Эдмунд Гуссерль стремился углубить понимание Канта. Он исследовал, как ум испытывал «явления», ментальные объекты, которые представляют собой объекты объектов в мире. Все общечеловеческие переживания в мире и в жизни имеют такие явления. Одна из версий феноменологии, или науки о сознательном опыте включает рассмотрение того, как ум и его объекты взаимодействуют, вступают в контакт друг с другом. Гуссерль утверждал, что ум способен очистить опыт идей, сократив все зависящие от обстоятельств, случайные элементы повседневной практики. В результате получилось чистое представление об объекте. Несколько европейских литературоведов в двадцатом веке, таких как Жорж Пуле и Роман Ингарден, исследовали опыт читателя в литературе. Именно в этот период в Соединенных Штатах возникла школа критики под названием «Реакция читателя», возглавляемая Стэнли Фишем. Итак, Жорж Пуле – бельгийский литературовед и литературный критик. Закончил Льежский университет в 1927 году. Жорж Пуле был профессором французской литературы в Университете Джона Хопкинса, а затем преподавал в Цюрихском университете и Ниццком университете. Он был главной фигурой, связанной с новой критикой французской литературы и Женевской школой литературной критики в 1950-х и 1960-х годах. Он является автором таких работ, как «Исследования человеческого времени», «Метаморфозы круга» и «Неопределенная Мысль». Ученый в свое время испытал влияние феноменологической философии, немецкой культурно-исторической школы, философской антропологии Марселя и Башляра. Он был тесно связан с женевской группой филологов, таких как Жан-Пьер Ришар, Жан Руссе, Жан Старобинский и др.

В начале незавершенного произведения Малларме «Igitur» представлено описание пустой комнаты, в которой есть книга. Это подобно ситуации с каждой книгой, пока кто-то не придет и не прочтает ее. Книги – это объекты. На столах, книжных полках, витринах магазинов они ожидают своих читателей. По мнению автора, судьба книг всецело зависит от вмешательства человека. Сделанные из бумаги и чернил, они находятся там, где их положили, до тех пор, пока кто-либо не заинтересуется ими. Они ждут. Сознают ли они, что действие человека может в один миг изменить их существование? Они надеются на это. Кажется, они говорят: «Прочитайте нас». Жорж Пуле акцентирует внимание на чувствах. То чувство, которое дают книги, человек ощущает и с другими объектами, например, с вазами и статуями. Статуи побуждают осмотреть их, вазы – повертеть их в руках. Они дают иллюзию, что в них есть что-то, что можно увидеть под другим углом. Ни ваза, ни статуя не раскрываются непрерывным периметром поверхностей. В дополнение к поверхностям они должны иметь интерьер. В данном контексте Пуле подчеркивает важность вопроса: «Каким может быть этот интерьер?». Осматривая их, люди как будто ищут вход в секретную камеру. Но такого входа нет. Таким образом, и ваза, и статуя закрыты. Мы остаемся снаружи.

Далее следует логическое заключение: «Надеюсь, книги не похожи на них. Купите вазу, возьмите ее домой, положите ее на стол или на свою каминную полку. С другой стороны,

возьмите книгу, и вы сможете открыть себя. Именно эту открытость книги я нахожу такой действенной. Книга не закрыта своими контурами, как стенами крепости. Она не допускает существования вне себя. Она позволяет вам существовать в ней. Необычный факт в книге. Вы внутри него. Он внутри вас. Нет ни внешнего, ни внутреннего», – констатирует автор, сравнивая книгу и вазу как явления, за которыми можно наблюдать либо снаружи, либо изнутри.

Характеризуя этот первоначальный феномен, автор сводит особенность книги к чтению, к возможности проникнуться и прочувствовать изнутри. Поэтому Пуле описывает данный процесс не просто как объект или даже просто живое существо, а как рациональное существо, как результат сознания. Так как сознание другого без какой-либо разницы в мире самосознания позволяет читателю глубоко заглянуть внутрь себя. Книга больше не является материальной реальностью. Она становится серией слов, образов, идей, которые, в свою очередь, начинают свое существование. Автор задается вопросом: «И где это новое существование?», представляя череду ответов: «Наверняка не в бумажном объекте. И, конечно же, не во внешнем пространстве. Остается только одно место для этого нового существования: мое внутреннее «я».

Автор полагает, что, только читая, можно воспринимать в уме ряд значений. Несомненно, они все еще являются объектами: картинками, идеями, словами, объектами мысли. Разницу автор поясняет следующим образом: «Книга, подобно вазе или статуе, является объектом среди других, живущих во внешнем мире. В мире, непригодном для жизни в обществе или в собственной мысли. В интерьерах, где, подобно рыбе в аквариуме, слова, изображения и идеи диссонируют. В результате ментальные сущности, чтобы существовать, оказываются в зависимости от сознания читателя». Данную зависимость автор одновременно рассматривает и как недостаток, и как преимущество. Такой баланс представляет собой привилегию вмешательства ума. По определению, книги обречены изменить свою природу, обречены потерять свою материальность, потому как они становятся образами, идеями, словами, то есть чисто ментальными сущностями. В целом такое существование заставляет их отказаться от своего реального существования.

По мнению автора, такой расклад порой вызывает сожаление. Потому что замена прямого восприятия реальности словами из книг препятствует ощущению вымысла. В итоге человек окружает себя фиктивными существами. Он становится добычей языка. Пуле резюмирует, что такой захват избежать невозможно, потому как язык окружает человека своей нереальностью. Удивительно и то, что, с другой стороны, трансмутация через язык реальности в вымышленный эквивалент имеет неоспоримые преимущества. Ведь вселенная фантастики бесконечна и более эластична, чем мир объективной реальности, и она поддается любому применению.

По словам Пуле, из всех преимуществ книги самый привлекательный – это интерьер в мире. Заглядывая в слова как ментальные формы, человек понимает, что они похожи или не похожи на душевное состояние человека. Литературовед характеризует их как субъективируемые объекты. Поскольку все становится частью человеческого разума, субъектом вмешательства языка, оппозиция между субъектом и его объектами значительно ослабевает. В результате преимущество литературы определяется убеждением читателя, тем, что он освобожден от своего обычного чувства несовместимости сознания и его объектов.

Данный процесс рассматривается в эссе как замечательная трансформация, происходящая в человеке благодаря акту чтения. Физические объекты вокруг исчезают, хотя книга и не содержит всех этих объектов. Близость же, по мнению Пуле, человека к своим объектам, представляет все новые проблемы. Как самое любопытное из них автор констатирует: «я тот, кто, оказывается, является предметом своей собственной мысли, которая является частью книги, которую я читаю, и которая, поэтому, является предметом размышлений другого. Это мысли другого, и все же я являюсь их предметом. Ситуация еще более удивительна, чем предыдущая. Я думаю о другом. Конечно, не было бы причины для удивления, если бы я подумал, что это мысль другого. Но я думаю, что это моя личная мысль».

Это открывает путь к размышлениям. В определенном смысле человек должен признать, что идея не принадлежит ему. Идеи никому не принадлежат. Они переходят от одного ума к другому. Поэтому ничто не может быть более обманчивым, чем попытка определить сознание идеями, которые оно принимает. В итоге, человек есть субъективный принцип, для которого идеи служат как предикаты. Но этот субъективный принцип нельзя рассматривать как предикат. Потому что, в соответствии с мыслями автора, кто созерцает, тот занимается разговором.

Что же происходит, когда каждый читает книгу? Человек становится предметом серии предикатов, которые не являются его предсказаниями. Что бы человек ни думал, это часть его ментального мира. И все же порой происходит переплетение мыслей своих и чужих. Жорж Пуле детализирует: «Всякий раз, когда я читаю, я мысленно произношу Я. Однако я, который «я» произносит, не я. Это верно даже тогда, когда герой романа представлен в третьем лице, и даже когда нет никого и ничего, кроме размышлений или предложений. Чтение – это только то, что дает не только множество чужих слов, образов, идей, но и чужой принцип».

Невозможно не согласиться и с суждением автора, что, когда человек читает так, как должен, без оговорок, без какого-либо желания сохранить свою независимость, его понимание становится интуитивным, принимая все предлагаемое. Другими словами, рассматриваемый вид понимания не определяется как движение от неизвестного к известному, от незнакомого к знакомому. Это может быть феномен, в котором умственные объекты поднимаются из глубины сознания в свет познания. Что бы ни случилось, человек терпеливо ждет, поэтому чтение не интерпретирует его деятельность как субъект.

Таким образом, чтение – это акт, в котором субъективный принцип меняется таким образом, что читатель не может рассматривать его с позиции мыслей, чувств, страданий и действий других. Явление проявляется в его наиболее очевидном и недвусмысленном способе добиться определенных целей чтения. Так, к примеру, рассматриваются триллеры, когда читатель говорит: «Это захватило меня». Такое влияние происходит не только на уровне объективного мышления, связанного с образами, ощущениями, идеями, но и на уровне субъективности. Когда человек погружается в чтение, происходит второе восприятие на уровне, что я думаю и чувствую для себя. Человек может получить либо комфорт, либо, наоборот, сомнение.

По мнению Пуле, человек думает о себе, когда читает книгу. Когда, например, мы читаем Бодлера или Расина, создается ощущение, что Бодлер или Расин думают, чувствуют, позволяют читать то, что во мне. Таким образом, книга – это средство, с помощью которого автор сохраняет свои идеи, свои чувства, свои мечты и жизнь. Это его способ спасти свою личность от смерти. Такая интерпретация чтения не является ложной. Кажется, это оправдывает то, что обычно называют биографическим объяснением литературных текстов. Действительно, каждое слово литературы пропитано умом того, кто его написал. Когда автор заставляет нас читать это, он пробуждает в нас то, что он думал или чувствовал. Таким образом, понять литературное произведение – значит позволить человеку, который его написал, открыть нам себя в нас. Это не биография, которую объясняет произведение, а, скорее, произведение, которое иногда позволяет нам понять биографию. Однако биографическая интерпретация частично ложна и вводит в заблуждение. Это правда, что есть аналогия между произведениями автора и переживаниями его жизни. Поэтому работы автора можно рассматривать как неполный перевод жизни. И, кроме того, существует более важная аналогия между произведениями одного автора. Однако каждая работа в процессе чтения живет в читателе собственной жизнью. Субъект, который раскрывается автором, не является автором или беспорядочной совокупностью его или ее переживаний. Разумеется, для понимания работы нет ничего важнее массы биографической, библиографической, текстовой и общей критической информации. И все же это знание не совпадает с внутренним знанием работы. Сумма информации, которую читатель приобретает с помощью Бодлера или Расина, может быть недостаточна для того, чтобы высветить свое собственное внутреннее значение и формальное совершенство. Автор изнутри видит важность жизни, идентичной произведению.

В данном случае произведение образует временную ментальную субстанцию, которая наполняет человеческое сознание. Кроме того, это сознание, субъект Я проявляет себя в произведении. Произведение литературы становится своего рода человеком, это ум, сознающий себя и предстающий как субъект своих собственных объектов.

В оппозиции находится сам человек: я все осознаю, я играю гораздо более скромную роль, я пассивно записываю все, что происходит во мне. Происходит своего рода шизоидное различие между тем, что чувствует человек и что чувствуют другие. Таким образом, у человека часто возникает впечатление, что, читая, он просто узнает о действии, которое его волнует, но все же не касается его.

Это изумление является сознанием критика, которому позволено воспринимать то, что происходит в сознании других как свое собственное. От частичного и неуверенного приближения к Жаку Ривьере, к возвышенному, отвлекающему и триумфальному приближению к Шарлю Дю Босу критика может пройти через целый ряд нюансов, которые нам было бы полезно посоветовать познать. Открыв различные формы идентификации и неидентификации, которые можно найти во французской литературе, Жорж Пуле говорит о вариантах, которые возможны в отношении между критикующим субъектом и подвергнутому критике объектом. В результате зарождается следующий формат анализа: в случае первой критики – это слияние двух сознаний едва ли предполагается. Это попытка постижения объекта, который остается скрытым. В то время, как при идеальной идентификации двух сознаний каждый видит себя отраженным в другом, критическое сознание может в лучшем случае попытаться приблизиться к реальности, которая при этом остается завуалированной. Пуле пытается представить критический язык, который бы умышленно лишил литературный язык чего-либо конкретного. В этой попытке он использует только доступных посредников, то есть чувства. По мнению литературоведа, в такой критике – это анализ каждой линии, каждого предложения, каждой метафоры и каждого слова.

Если литература, по определению, уже является переносом реального в языковую не-реальность, то критический акт будет рассматриваться как транспозиция этой транспозиции, тем самым увеличивая силу «дереализации» существования через язык. Таким образом, мысль устанавливает соотношение авторского и реального. Здесь критика уже не мимесис. Это действительно приводит к объединению критической мысли с ментальным миром, раскрытым литературным трудом. Это повышает значимость произведения.

В конце автор задается вопросом: что же осталось незамеченным после изучения литературного произведения? Может ли это быть индивидуальный гений художника, присутствующий в его творчестве, но имеющий невидимую жизнь? Или, как думает Валери, это анонимное и абстрактное сознание, находящееся в своей отчужденности, в действиях конкретного сознания? Как бы то ни было, Пуле признается, что это субъективная деятельность в литературной работе. Описывая процесс взаимовлияния и взаимообогащения, Жорж Пуле актуализирует внутреннее состояние читателя с позиций восприятия и самоанализа.

Контрольные вопросы:

1. Что из себя представляет феноменология как традиция чистого понимания и восприятия?
2. Как связывает Жорж Пуле феноменологию чтения и чувственный мир человека?
3. В чем заложена основа чтения как возможности проникнуться и прочувствовать изнутри?
4. Объясните взаимосвязь понятий «книга – сознание – идеи».
5. Как можно охарактеризовать феноменологию чтения и критики?

Список рекомендуемых ресурсов:

1. Джули Ривкин и Майкл Райан. Литературная теория: антология. Третье издание. стр. 300 – 312.